

Д К А

Трубач

Режиссеру, оператору, композитору, любимцу «Общей газеты» Петру Ефимовичу **ТОДОРОВСКОМУ** исполняется 75. Мы попросили высказаться по этому поводу его старого друга — поэта Григория **ПОЖЕЯНА**.

— СО ВСЕЙ ответственностью заявляю, что общественность в лице Петра Ефимовича имеет дело с патологически скромным господином. Вот уж в ком действительно воплотился призыв булгаковского героя: «Никогда ничего не просите». С войны Петр привез единственный трофей: зеленый аккордеон с перламутровыми пуговицами, на котором он выучился играть, как Бог. Он умеет играть и на рояле, похуже, чем на аккордеоне. Но тоже свободно, бегло, вовремя, когда нужно, убирая ноги с педалей.

Сегодня все знают, как Тодоровский играет на гитаре. С ней, в свободное от съемок время, Петя не расстается, то импровизируя, то сочиняя мелодии.

Трофейный аккордеон однажды уцелел в комнате, которую начисто обокрали. Это было в общезжитии «Куража», славившегося не только непереводаемым названием, но и тем, что в нем жили такие знаменитости, как Чухрай, Хуциев, Миронер, Шукшин, Джигарханян...

В старом потрепанном чехле, задвинутый в туалет, аккордеон один остался в пустой комнате, где мы вдвоем с Петром жили. Мы извлекли его из чехла и тут же начали сочинять очередную песню. А их у нас свхше пятнадцать — лирические, бытовые и героические.

Недавно Петр написал чудесную мелодию на мои старые стихи: «Нужно, чтоб кто-то кого-то любил». На этот раз он уезжал не на фестиваль, а на чествование губернатора Аяцкова. Там должен был быть Иосиф Кобзон.

— Покажи ему песню. Ты ведь с Иосифом давно знаком, — посоветовал я Пете.

— Ну вот, стану я отвлекать своей песней такого занятого человека...

Так и не показал. Только поздоровался.

В этом весь Петя. Его скромности и застенчивости хватило бы на всех классиков областного, союзного и мирового кинематографа. Ему не только скромности, но и мужества не занимать. У Петра три ордена «Отечественной войны I степени». Его представили к ордену «Богдана Хмельницкого». Это офицерский орден — за умелое командование. А командир полка представление «зарубил», написав: «Отказать. Бойцы Тодоровского топкой печей демаскировали передовую местность...» Он же, комполка, устыдившись, написал Петру такое «направление»: рекомендую музыкально одаренного офицера для поступления в Московскую консерваторию. После войны, Тодоровский подавать заявление в консерваторию постеснялся, заявив: «Куда мне с гармошкой!», а вот во ВГИК на операторский поступил. Петя сразу был всеми признан после первых своих картин с Хуциевым: «Весна на Заречной улице», «Два Федора». Следующую картину «Жажд» он снимал с Евгением Ташковым. Съемки фильма были тяжелые, особенно финал.

«Я хочу, чтобы всем было страшно», — сказал Петр о сцене окружения горстки наших матросов немецкими мотоциклистами. Он снимал с нижней точки, с листа железа, пригнанного к борту полоторки. Чтобы его на скорости не снесло вбок, на Пете, лежащем с камерой на выпянутых руках, сидел верхом второй оператор, а мотоциклисты и машины шли прямо на камеру — непрерывным потоком.

Чтобы ему разрешили снимать

эти кадры, он письменно заверял, что всю ответственность, в случае «неудачи», берет на себя...

...А вот смелости пойти к секретарю обкома партии и попросить у него холодильник не хватало. У Петиной жены после родов с кормлением ребенка были сложности. А за окнами — жара. Молоко и другие продукты мгновенно портятся.

— Пойдешь? — спросил я.

— Пожеян, как твоя картина называется?

— «Никогда».

— Вот тебе и мой ответ.

В обком пошел я. Меня несло, секретарь по пропаганде — умная интеллигентная женщина — улыбалась, а я доказывал.

— «Броненосец Потемкин» видели?

— Ну-ну.

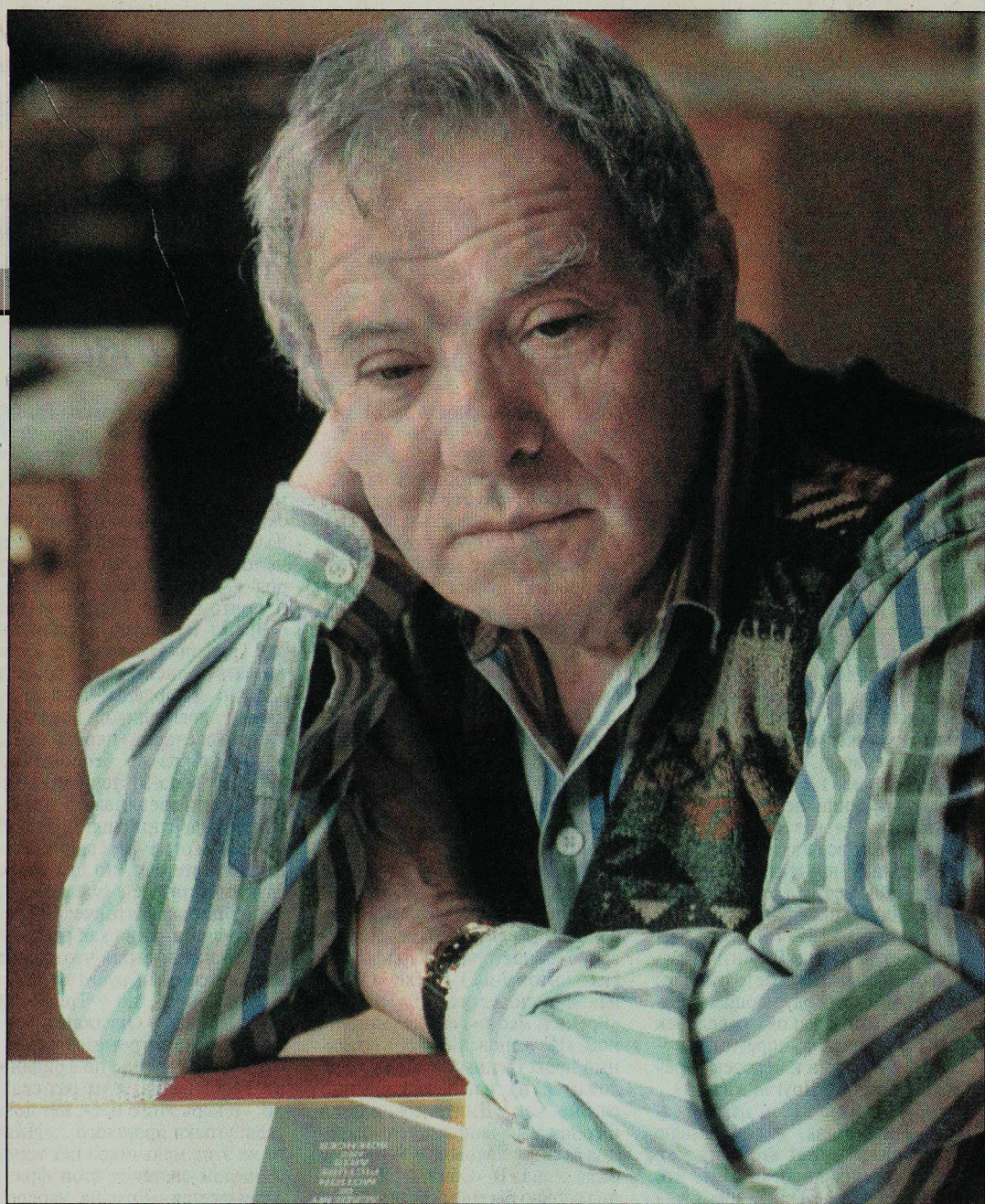
— А «Анну Каренину»? Все это снимал он.

— Ну что ж, — согласилась она, — холодильник дадим.

Думаю, тогдашний младенец, а ныне очень хороший режиссер Валерий Тодоровский, меня бы теперь оправдал.

...Мне невольно вспомнился наш с Петей выстраданный фильм: «Никогда». В главной роли снимался Женя Евстигнев. Играет гениально, почти не выходит из кадра. Этаким авторитарный директор: «Дашь пароход любой ценой!» Умный, жесткий, одинокий, от него отвернулся народ на верфи, ушла жена и даже собака. А он в последней сцене, после того как со стапелей все-таки сошел пароход, уходит с банкета домой. А на стене фотографии пароходов, построенные, выстраданные им. Подходим к одному, другому. И каждый — так Тодоровский придумал — издает свой гудок, единственный, неповторимый.

Я люблю его фильм «По глав-

Лида ГРИШИНА

ной улице с оркестром». Люблю «Ретро втроем». Без финала. Финал не найден. Как в жизни не найден «хеппи-энд». «Все уходит туда: в синеву, синеву». Но больше всего люблю драматический «Военно-полевой роман». Каждый кадр огранен. Вылеплен. Все ружья, заряженные в начале фильма, — в конце стреляют. А Бурляев — на коне с милиционером. И Андрейченко: «Пирожки! Кому пирожки?» И Инна Чурикова... Все кадры один прекраснее другого. Смотришь и понимаешь — нельзя построить свое счастье на несчастье других. Счастья не приносит ни победа в великой войне, ни попытка завоевать чужую любовь. Петр Ефимович все время ищет пути для утешения, но его мудрость и талант берут

верх, и обнажается истина — утешения нет. В этом смысле «Военно-полевой роман» — фильм эталонной художественной правдивости, сравнимый лично для меня только с таким эталоном настоящей прозы, как «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова.

А сняв очередной шедевр, Петя будет сидеть и ждать — предложенный, спонсор, — исполняя завет булгаковского героя — никогда не просить.

Он, человек, уже достаточно проживший, обретает силу, только когда работает. Нет фильма — берет гитару. А не будет рядом гитары?! Такого не бывает.

А если со здоровьем становится не очень, то вместо больницы мой друг Петя, как правило, едет на кинофестиваль.

Трудно найти инструмент, на котором бы не играл Тодоровский. Я хочу это проверить: подарить ему трубу, запереть его вместе с ней в пустой комнате и подождать, когда послышатся звуки музыки. А она обязательно зазвучит. Я Петьку знаю. Он по натуре — трубач. С чем я его и поздравляю...

Трубач

Петру Тодоровскому

*Ах эта невчая труба
Звук достает со дна.
Такая участь ей дана —
Особая судьба.*

*Трубач один. Трубач — ничей.
В потоках ножевых
Их очень мало трубачей,
Оставшихся в живых.
Зато какая это честь,
И слава, и игра.*

*Трубить решительную весть
Своим полкам: «Пора!»*